

А. И. Тюменев

**Пересмотр известий о смерти
царевича Димитрия**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Т98

Т98 **Тюменев А.И.**
Пересмотр известий о смерти царевича Димитрия / А. И. Тюменев – М.:
Книга по Требованию, 2013. – 84 с.

ISBN 978-5-518-07156-8

Журнал Министерства Народного Просвещения. Новая серия. Часть XV.

ISBN 978-5-518-07156-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

лицъ, отказавшихся совершить убійство, которыхъ онъ долженъ былъ бы или убить или наградить свыше мѣры, не предпочелъ ли бы онъ тайную отраву открытому убійству, способенъ ли былъ Шуйскій, „такъ благородно“ ведшій себя при Лжедмитріѣ, на участіе въ явной поддѣлкѣ слѣдственнаго дѣла ¹⁾. Наконецъ, слѣдуетъ рядъ категорическихъ утвержденій, въ родѣ слѣдующихъ: „Царицѣ должно было снять вину съ себя, если Димитрій погибъ отъ ея небреженія, и на кого естественнѣе могла она возложить ее, какъ не на градскихъ чиновниковъ, шпионовъ, своихъ личныхъ непріятелей“ ²⁾; „народъ, зная о непріязни Борисовой къ Димитрію, легко повѣрилъ правдоподобной выдумкѣ“ ³⁾. Нельзя не видѣть сразу натянутости нѣкоторыхъ изъ этихъ замѣчаній, напримѣръ, относительно „благородства“ Шуйскаго или объясненія поступковъ матери, въ первую минуту внезапной смерти сына думающей объ отклоненіи отъ себя отвѣтственности въ этой смерти. Другія замѣчанія Погодина могутъ служить лишь косвенными доводами, при отсутствіи же прямого разбора памятниковъ не имѣютъ значенія. На каждый поставленный имъ вопросъ можно представить по нѣскольку не менѣе вѣскихъ возраженій, уничтожающихъ значеніе его критики, что и было сдѣлано послѣдствіемъ Соловьевымъ. Мнѣніе Погодина поддержалъ и Арцыбашевъ, пополнивъ его доказательства и нѣкоторыми своими соображеніями ⁴⁾. Эти послѣднія сводятся къ указанію небольшого противорѣчія и двухъ незначительныхъ ошибокъ въ лѣтописномъ разсказѣ: Волоховъ названъ Даниломъ, и Тучкова не показала на допросѣ, чтобы ее били. Затѣмъ уже онъ считаетъ себя въ правѣ заключить отсюда, что нельзя „ссылаться на упомянутыя, явно лживыя увѣдомленія людей неизвѣстныхъ, краснослововъ, которые, одобрявая еще слова свои, употребляютъ священное писаніе всуе“ ⁵⁾. Но при этомъ самъ находитъ возможнымъ, безъ всякой провѣрки, совершенно положиться на слѣдственное дѣло и излагать, согласно ему, обстоятельства смерти царевича ⁶⁾. Новый взглядъ скоро нашелъ себѣ сторонниковъ. Уже въ 1832 году Н. Г. Устряловъ, издавая „Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ“, помѣстивъ

¹⁾ Стр. 236.

²⁾ Стр. 290.

³⁾ Стр. 291—292.

⁴⁾ *Арцыбашевъ*. О кончинѣ царевича Димитрія (Вѣсти. Евр. 1830 г., № 12, стр. 241—266; перепечатана въ Р. Арх. 1836 г., № 11).

⁵⁾ Р. Арх., 1836, № 11. 273—275.

⁶⁾ *Ibid.*, стр. 276—284.

во второй части отрывка изъ розыска о смерти царевича Дмитрія съ небольшимъ разборомъ его, въ которомъ, хотя и не приходитъ къ опредѣленному выводу, но склоняется въ пользу оправданія Бориса. „Сообразивъ всѣ показанія свидѣтелей, выкинувъ во всѣ обстоятельства времени“, заключаетъ онъ свой разборъ: „каждый, вѣроятно, согласится, что Годуновъ, если не совсѣмъ правъ, по крайней мѣрѣ, не кругомъ виноватъ“ (?) ¹⁾. Точно также оправдываютъ Бориса и А. А. Краевскій въ статьѣ о немъ, помѣщенной въ энциклопедическомъ словарѣ Плюшара, и Н. Полозовъ въ „очеркѣ историческаго послѣ-

¹⁾ „Сказанія современниковъ“ изд. 2-ое С.-Пб. 1837, ч. II, стр. 133—170. Незавѣстно, цѣлостной ли ревностью Устрялова или переименованіемъ въ его взглядахъ объяснить тотъ фактъ, что въ 1841 году, во время печатанія 2-го тома „Повѣствованія“ Арцыбашева, онъ настоялъ на исправленіи соответственнаго мѣста въ смыслѣ убійства, а не самоубійства царевича, мотивируя свой новый взглядъ соображеніями, буквально противоположными приведеннымъ въ „Сказаніяхъ“. „Конечно каждый волею смотрѣлъ на происшествія съ той или другой стороны“, писалъ онъ въ своемъ доносѣ по этому поводу, представленномъ въ Археографическую комиссію: „но какъ въ семь случаевъ одностороннее воззрѣніе можетъ подать поводъ къ разнымъ неблагоприятнымъ толкамъ, то я и полагаю исправить повѣствованіе Арцыбашева о смерти царевича Дмитрія“ (см. В. Иконниковъ. Арцыбашевъ и Устряловъ—Р. Арх. 1846 № 12 стр. 523—527). Приведемъ здѣсь доводи Устрялова, хотя и малозначительные сами по себѣ, но характерные, какъ примѣры диалектическихъ рго и contra. Сказаніе: „Упрекъ столь важный и рѣшительный (въ убійствѣ царевича), уничтожающій силу акта, на коемъ основана приговоръ собора святителей и боярской думы, надлежало бы подтвердить свидѣтельствомъ несомнѣннымъ“ (стр. 155). Донесеніе: „Авторъ..., основанный на одномъ истинномъ дѣлѣ, составленномъ, очевидно, въ угожденіе Борису Годунову, вложилъ столь важное событіе одностороннимъ образомъ, несогласно съ правилами исторической критики“. Сказаніе: „Угождая духу времени, они (составители лѣтописныхъ извѣстій) старались очорнить память его яeno несправедливыми выдумками“ (стр. 169). Донес.: „Это убѣжденіе общее, рѣшительное, выраженное во всѣхъ актахъ, во всѣхъ лѣтописяхъ своихъ и чужеземныхъ, какъ *маса народа*, служить самымъ яркимъ обвиненіемъ Годунова“. Сказ.: „Шуйскій былъ человѣкъ благодарный, но не трусъ... Для чего она (царица) и Шуйскій писали (въ 1606 г.) о смерти Дмитрія? Для того, чтобы разсѣять осѣбленіе русскихъ, которые признавали царевичемъ всякаго негодая. Шуйскій лучше всего надѣялся достигнуть сей цѣли, *представивъ Дмитрія мученикомъ, невинно погибшимъ*. На кого же возложить вину, какъ не на Бориса, котораго уже самозванецъ объявлялъ злодѣемъ царевича“ (стр. 159—160). Донес.: „Шуйскій производилъ слѣдствіе въ то время, когда *все трепетало* предъ грознымъ временщикомъ... Совсѣмъ были обстоятельства, когда Шуйскій торжественно провозгласилъ Годунова убійцей Дмитрія: *тутъ онъ не имѣлъ повода скрывать истину*“, тѣмъ болѣе, что Годуновъ „востественіемъ на престолъ подтвердилъ положительнымъ образомъ свое участіе въ смерти Дмитрія“. Замѣчательно, что въ 3-емъ изд. „Сказаній“ Устряловъ сохранилъ свой прежній взглядъ. С.-Пб. 1859, II, 280, 287—288 и др.

дованія о царѣ Борисѣ Годуновѣ¹⁾. Но оба эти сочиненія не имѣютъ научнаго значенія: первое повторяетъ доводы Устрялова, а второе примыкаетъ къ взгляду Арцыбашева.

Однако, рядомъ съ новымъ продолжалъ держаться и прежній взглядъ. Его мы встрѣчаемъ и у Кисселя въ „Исторіи Углича“ и въ специальной статьѣ Муравьева²⁾. Но вопросы и сомнѣнія, поднятыя Погодинымъ, оставались безъ отвѣта. Въ 1846 году вышелъ первый томъ его „Историко-критическихъ отрывковъ“, гдѣ была перепечатана и статья о смерти Димитрія. И вотъ одно за другимъ на нее послѣдовало два возраженія — Соловьева въ седьмомъ томѣ его исторіи и еп. Филарета въ специальной статьѣ. Соловьевъ выставилъ очень вѣскія возраженія на вопросы, поставленныя Погодинымъ, и первый приступилъ къ разбору слѣдственнаго дѣла, но не съ цѣлью безпристрастной его оцѣнки, а съ цѣлью найти въ немъ „подозрительныя неточности“. Нѣкоторые изъ такихъ указанныхъ имъ неточностей, дѣйствительно, набрасывали подозрѣніе на допросы слѣдователей, другія же были совершенно безразличны для рѣшенія вопроса о родѣ смерти царевича и служили автору только для того, чтобы подорвать довѣріе къ официальному памятнику³⁾. А между тѣмъ въ лѣтописный рассказъ онъ прямо врѣзаетъ, ибо чѣмъ, какъ не вѣрой, назвать то, что, приведя его въ текстъ, Соловьевъ затѣмъ замѣчаетъ: „Въ этомъ рассказѣ мы не встрѣчаемъ ни одной черты, которая бы заставляла заподозрить его; подробности самаго убіенія (подробности, въ другомъ сказаніи представленныя совершенно иначе и не менѣе естественно. Ср. ниже взглядъ Костомарова), предшествовавшій разговоръ убійцы съ жертвой, подробности приготовленій въ Москвѣ, имена лицъ, выбранныхъ, но отказавшихся взять на себя совершеніе злодѣянія, указанія на Клешнина, какъ на главнаго дѣятеля,—всѣ эти подробности не позволяютъ историку видѣть въ этомъ рассказѣ выдумку“⁴⁾

¹⁾ Энци. Лексиконъ, С.-Пб. 1836, VI, 359—361 и отдѣльно, С.-Пб. 1836 г. 31—36. *Полозовъ*. Очеркъ. М. 1858, стр. 63—99.

²⁾ *Киссель*. Ист. Углича. Ярославль, 1844, стр. 230 — 289; *Муравьевъ*. Убіеніе царевича Димитрія.

³⁾ См. Исторія Россіи (изд. Общ. Пользы) кн. 2 (т. 7-ой) стр. 666 — 678. Подробнѣе къ его разбору мы обратимся ниже. Разборъ Соловьева повлекъ за собой словопремѣнія. Онъ вызвалъ возраженія со стороны К. С. Аксакова (Сочиненія, стр. 241 и слѣд.), на которыя Соловьевъ ограничился короткимъ отвѣтомъ въ 2-омъ изд. Ист. Рос.

⁴⁾ Ист. Россіи, II (VII), 667—668.

(именно, онъ-то и послужилъ оспованіемъ сомнѣній Погодина). Но нельзя не замѣтить, что при всемъ своемъ уваженіи къ лѣтописному сказанію, Соловьевъ тѣмъ не менѣе опускаетъ въ своемъ пересказѣ нѣкоторыя данныя, могущія подорвать достовѣрность этого источника. Такой же характеръ обвинительнаго акта по адресу слѣдственнаго дѣла носить и „Исслѣдованіе о смерти царевича Дмитрія“ Филарета ¹⁾).

Въ 1873 году появился въ *Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія* самый обстоятельный разборъ слѣдственнаго дѣла и лѣтописнаго разсказа въ статьѣ Е. А. Бѣлова „О смерти царевича Дмитрія“, къ сожалѣнію, также не свободной отъ недостатковъ предшествовавшихъ исслѣдованій ²⁾. Статья эта является такой же преднамѣренной защитой Бориса Годунова, какъ разборы Соловьева и Филарета были обвинительными актами противъ него. Симпатіи Бѣлова сразу же обнаруживаются въ томъ, что, прежде чѣмъ обратиться къ самымъ памятникамъ, онъ считаетъ необходимымъ опровергнуть Соловьева и реабилитировать тѣ замѣчанія Погодина, возраженія противъ которыхъ, дѣйствительно, не совсѣмъ удалось Соловьеву ³⁾. Разбирая затѣмъ слѣдственное дѣло, авторъ ограничивается восстановленіемъ событій по показаніямъ слѣдствія, данныя котораго не провѣряетъ, и нѣкоторыми возраженіями противникамъ. Обращаясь же къ лѣтописному разсказу, мы не встрѣчаемъ у него собственно безпристрастнаго разбора показаній лѣтописи; лживость ихъ для Бѣлова несомнѣнна, и онъ хочетъ только доказать ее и другимъ и объяснить, какъ могли сложиться всѣ тѣ подробности, которыя кажутся правдоподобными представителямъ противоположнаго взгляда. При этомъ Бѣловъ заподозрѣваетъ даже лѣтописца въ желаніи доказать виновность Бориса въ то время, когда это считалось несомнѣннымъ фактомъ ⁴⁾, и подмѣчаетъ у него въ подборѣ этихъ доказательствъ такое тонкое психологическое чутье, какого трудно ожидать отъ писателя XVII вѣка. Статья Бѣлова вызвала немедленное возраже-

¹⁾ Читенія въ Имп. Общ. Ист. и Древн. Рос. 1858 г.

²⁾ *Жур. Мин. Нар. Пр.*, 1873, июль — августъ.

³⁾ *Жур. Мин. Нар. Пр.*, 1873, июль, стр. 3—8.

⁴⁾ „Мы уже замѣтили, что составители сказанія предвѣдѣли возраженіе... и для опроверженія подобнаго возраженія“. „Для закрѣпленія обвиненія противъ Годунова лѣтописному сказанію нуженъ былъ и Чепчуговъ съ Загряжскимъ“ (авг. стр. 281—285 и др.).

ніе Костомарова ¹⁾). Указавъ на главный недостатокъ этой статьи — безусловное довѣріе къ слѣдственнымъ показаніямъ, достовѣрность которыхъ въ ней не доказывается, Костомаровъ сразу же, напротивъ, старается подорвать всякое довѣріе къ слѣдственному дѣлу, представляя его какъ бы единоличнымъ дѣломъ и сочиненіемъ Шуйскаго, которому онъ безусловно отказывается вѣрить. „Если онъ лгалъ одинъ разъ, два раза, то могъ солгать и въ третій разъ... Всѣ три показанія взаимно уничтожаютъ другъ друга; мы не въ правѣ вѣрить ни одному изъ нихъ, и такимъ образомъ все, что исходило отъ Василія Шуйскаго по дѣлу объ убійствѣ Димитрія, не имѣетъ для насъ никакой исторической важности по вопросу объ этомъ убійствѣ“ ²⁾). Но, какъ бы ни относиться къ личности Шуйскаго, во всякомъ случаѣ слѣдственное дѣло нельзя считать исходящимъ отъ него одного: въ веденіи слѣдствія участвовали и другія лица. Ложныя показанія слѣдствія Костомаровъ предлагаетъ замѣнить уже не повѣствованіемъ лѣтописи о мятежахъ, которое казалось несомнѣннымъ Соловьеву, а совершенно новымъ рассказомъ, отличнымъ и отъ слѣдственнаго дѣла и отъ лѣтописныхъ извѣстій, но, по его мнѣнію, „болѣе всѣхъ заслуживающимъ вѣроятія“ ³⁾). Мелкія жизненные подробности въ на-

¹⁾ „О слѣдственномъ дѣлѣ по поводу убійства царевича Димитрія“. В. Евр., 1873 г. сентябрь.

²⁾ Ibid., стр. 165 — 166.

³⁾ Для лицъ, незнакомыхъ съ содержаніемъ этого памятника, приводимъ его здѣсь по выдержкамъ самого Костомарова: „И того дни (15 мая) царевичъ по утру всталъ дрыхти съ постели своей, и голова у него, государя, съ плечъ поватилася, и въ четвертомъ часу дни царевичъ пошелъ къ обѣднѣ, и послѣ свангелии у старцевъ Кириллова монастыря образы принялъ, и послѣ обѣдни пришолъ къ себѣ въ хоромы, и платице черемѣилъ, и въ ту пору съ куманьемъ взонли и скатерть постлали, и богородичнымъ хлѣбецъ священникъ вынулъ и кумалъ государь царевичъ по единожды днень, и обычай у него государя царевича былъ таковъ: по вси дни причащали хлѣбу богородичну; и послѣ того похотѣлъ испити, и ему государю поднесли испити; и испивши пошелъ съ кормилицею погуляти, и въ седьмый часъ дни, какъ будетъ царевичъ противу церкви цари Константина, и, по повелѣнію измѣтника злодѣи Бориса Годунова, прислѣвши душегубцы ненавистники царскому кореню Никитка Качаловъ да Данцѣла Витиговскій, кормилицу его палицею ушибли, и она обмертвѣвъ пала на землю, и ему государю царевичу въ ту пору кинжи перерѣзали горло ножемъ, а сами злодѣи душегубцы вскричали великимъ гласомъ. И услыша шумъ матери его государя царевича и великая княгини Маріи Оехоровна приобѣгла и, видя сына своего царевича мертва, и взяла тѣло его въ руки, и они злодѣи душегубцы стоить надъ тѣломъ государя царевича обмертвѣли, или немъ безгласны, противъ его государевой ятери не могли проглаголати ничтоже; а дади его государевы въ тѣ поры

часть этого рассказа и сходство его во всѣхъ обстоятельствахъ, кромѣ самаго факта убійства, со слѣдственнымъ дѣломъ, дѣйствительно, предполагаютъ насъ въ его пользу и позволяютъ предполагать въ авторѣ современника (но не „служать очевиднымъ тому доказательствомъ“, какъ думаетъ издатель памятника А. Ѡ. Бычковъ), все же и въ нему слѣдуетъ отнестись осторожно: 1) нельзя еще быть увѣреннымъ, что рассказъ этотъ писанъ, дѣйствительно, современникомъ, 2) если даже и считать автора его современникомъ, нельзя еще видѣть въ немъ очевидца самой смерти царевича: о ней онъ могъ писать только со словъ другихъ ¹⁾.

Такимъ образомъ и обстоятельная статья Бѣлова не привела къ положительному результату. Всѣ высказанныя послѣ того въ науку мнѣнія или колеблются или, если и склоняются на ту или на другую сторону, все же не рѣшаются произнести окончательный приговоръ ²⁾. Наконецъ, въ послѣднее время явилась еще одна попытка разрѣшить

разрѣхались по домамъ кумати, того грѣха не вѣдая. И взявъ она государыня тѣло сына своего царевича Дмитрія Ивановича и отнесла къ церкви Преображенія Господня, и повелѣла государыня ударити звономъ великимъ по всему граду, и услышалъ народъ звонъ великъ и страшень, яко николи не бысть такова и стекшася вси народы отъ мала до велика, видя государя своего царевича мертва, и возопи гласомъ великимъ мати его государева Марія Федоровна плачася убивася, говорила всему народу, чтобъ тѣ окаляные злодѣи душегубцы царскому корени живы не были и крикнули вси народы, тѣхъ окаляныхъ кровондцевъ побилъ“ (В. Квр. 1873 септ., стр. 166—167. Издавъ памятникъ А. Ѡ. Бычковымъ. Чтенія въ Имп. Об. Ист. Др. Росс. 1864 г. кн. IV, Сибѣ стр. 1—4). Убійцы, зарѣзавъ царевича, „вскричали великимъ гласомъ“. Затѣмъ п о чемъ? — новолно является вопросъ. Костомаровъ отвѣчаетъ: „Конечно, о томъ, что царевичъ зарѣзался самъ... Они бы, вѣроятно, сказали, что кориняца не смотрѣла, они увидали, что съ царевичемъ принадокъ, что у него въ рукахъ ножъ, съ досады они ударили кориняцу, сами бросились на помощь къ царевичу, но уже было поздно: онъ мгновенно перерѣзалъ себѣ горло. Никъ бы повѣрили, да кориняца, не выдавая, какъ они рѣзали ребенка, не могла бы ничего сказать противъ двухъ свидѣтелей“. Не говоря уже о томъ, что естественно было бы убійцамъ прежде всего скрыться и что никто не повѣрилъ бы показанію враговъ Нагихъ, спросимъ, отчего же, наконецъ, разъ отвѣтъ былъ готовъ, убійцы при появленіи царицы ничего не говорили, но „обмертвѣли, аки немъ безгласны“. Замѣчательно, что Костомаровъ далѣе смысляется на это болѣе тѣмъ сомнительное объясненіе какъ на достовѣрный фактъ.

¹⁾ Болѣе подробный разборъ этого рассказа см. ниже.

²⁾ Барсуковъ. Годъ Шереметевыхъ, II, 31—33, *Бестужевъ-Рюминъ*. Обзоръ событий отъ смерти царя Іоанна Васильевича (*Жур. Мин. Нар. Пр.* 1889 июль), С. Ѡ. Платоновъ. Др. русс. сказанія и повѣсти о Смутѣ, стр. 17—19 и др., *Илюминскій*. Р. Арх. 1889, февр., также *Исторія Россіи*, т. III, М. 1890, стр. 352—4, 650—2.

сложный вопрос о смерти Дмитрія. Это — публичная лекція, читанная профессоромъ П. Голубовскимъ въ Кіевѣ 24 февраля 1896 года ¹⁾. Профессоръ Голубовскій приходитъ къ мало утѣшительнымъ выводамъ. Согласіе многочисленныхъ лѣтописныхъ разсказовъ въ фактъ убійства заставляетъ его признать этотъ фактъ, при чемъ отличія этихъ разсказовъ въ подробностяхъ только утверждаютъ автора въ его мнѣніи: „Самыя разнорѣчія, которыя мы въ нихъ находимъ, говорятъ намъ, что эти свидѣтели, очевидцы и неочевидцы, не стаянулись между собой, не стоворились“ ²⁾. Но профессоръ Голубовскій не считаетъ себя въ правѣ признать Годунова виновникомъ убійства. Всѣ перетолкованія поступковъ Бориса онъ отвергаетъ, какъ домыселъ. „На основаніи имѣющихся въ распоряженіи историка матеріаловъ можно только сказать: Нагіе были посланы въ Угличъ; завѣдыванье деньгами было поручено Битяговскому, но и только“ ³⁾. Свидѣтельство Дж. Флетчера о слухахъ, что жизнь царевича находится въ опасности отъ лицъ, „которыя простираютъ свои виды на обладаніе престоломъ въ случаѣ бездѣтной смерти царя“, и, съ другой стороны, слухи о жестокости Дмитрія даютъ автору возможность выяснить причину насильственной смерти царевича. „Можно ли признать неестественнымъ“, говоритъ онъ: „что въ Угличѣ желали смерти Теодора, а въ Москвѣ въ кругу извѣстной группы бояръ когда-нибудь прорывалось: „Господи, хоть бы ты прибралъ къ себѣ скорѣе этого ребенка!“ Неосторожно сказанное слово нашло себѣ отзвукъ у доброхотовъ; явились люди, готовые подслужиться партіи, которая въ данный моментъ имѣла большую силу, и царевичъ былъ удаленъ... Спасать себя приходилось не одному Борису, подозрѣніе падало и на другихъ бояръ... Это ясно созналъ Василій Ивановичъ и, чувствуя полную невозможность обвинить Бориса, предалъ дѣло вогѣ божіей: царевичъ закололся самъ“ ⁴⁾.

Подводя теперь итоги сдѣланному нами обзору литературы вопроса, мы видимъ, что каждый изслѣдователь, бравшійся за его рѣшеніе, безусловно вѣрится какому-нибудь извѣстію, и эта вѣра необходимо влечетъ за собой опроверженіе всѣхъ противоположныхъ данныхъ. Въ нашемъ обзорѣ мы опустили вопросъ о виновникахъ

¹⁾ Напечатана въ Ист. Вѣсти. 1896 г. дек., стр. 856—877.

²⁾ Ibid., стр. 863.

³⁾ Ibid., стр. 874.

⁴⁾ Ibid., 875—877.

смерти царевича, который сторонниками мнѣнія объ убійствѣ рѣшается различно. Соловьевъ признаетъ его дѣломъ цѣлаго заговора сторонниковъ Теодора, въ числѣ которыхъ „необходимо находился и Василій Ивановичъ Шульскій“; Костомаровъ считаетъ убійство совершеннымъ, хотя и въ пользу Бориса, но не въ силу „прямого повелѣнія“, а или по намекамъ, доходившимъ до Битяговскаго и его товарищей, или по собственной инициативѣ убійцъ; Голубовскій, какъ мы видѣли, считаетъ убійцъ чьими-то доброхотами, подслушавшими неосторожное слово. Остальные историки, признающіе фактъ убійства, держатся традиціоннаго взгляда, согласнаго съ лѣтописнымъ изложеніемъ. Мы потому не останавливались на всѣхъ этихъ гипотезахъ, что онѣ имѣютъ уже дальнѣйшее значеніе, для насъ же прежде всего важно установить фактъ убійства или самоубійства царевича.* А на этотъ вопросъ могутъ намъ отвѣтить только сами памятники. Къ нимъ-то мы теперь и обратимся.

II.

Предыдущій обзоръ литературы вопроса показалъ намъ, что къ слѣдственному дѣлу обращаются обыкновенно или съ полнымъ довѣріемъ или же съ поверхностными обвиненіями, основанными на общемъ предвзятомъ противъ него взглядѣ и на отдѣльныхъ фразахъ и показаніяхъ, вырванныхъ изъ середины слѣдствія. Между тѣмъ ни одинъ изъ слѣдователей не задался цѣлью разсмотрѣть слѣдственное дѣло въ его цѣломъ, прослѣдить ходъ слѣдствія и посмотрѣть, такъ ли ужъ необходимо и неизбежно вытекали изъ него тѣ вопросы, которые якобы непредубѣжденные слѣдователи должны были предложить свидѣтелямъ. Возможно, что и такой способъ изслѣдованія не дастъ намъ прямого отвѣта, но, во всякомъ случаѣ, это единственный по возможности безпристрастный способъ, и потому онъ долженъ или привести насъ къ опредѣленному отвѣту, или навсегда заставить отказаться отъ возможности рѣшенія вопроса на основаніи одного слѣдственнаго дѣла безъ подтвержденія его другими современными памятниками.

Обратимся прежде всего къ вышнему виду и составу дѣла. По краткому описанію, приложенному къ изданію памятника въ Собраніи Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, видно, что дѣло писано столбцомъ, тремя почерками на 58 небольшихъ склеенныхъ листкахъ; начало утрачено, въ серединѣ въ нѣсколькихъ мѣстахъ стерлись отдѣльныя буквы и слова, а иногда не хватаетъ по нѣскольку строкъ. Не имѣя передъ глазами самого памятника, нельзя сказать болѣе ничего

опредѣленнаго, на примѣръ, въ порядкѣ ли и всѣ ли склеены эти 58 листовъ, имѣтъ ли и въ нихъ пропуска, какъ въ началѣ дѣла. На нѣкоторое подозрѣніе, что листки перебиты и склеены не въ надлежащемъ порядкѣ, наводятъ слѣдующія соображенія. 1) Въ началѣ дѣла идетъ допросъ о пожѣ и палицахъ, положонныхъ на убитыхъ М. Нагымъ. На очной ставкѣ съ Р. Раковымъ Нагой заперся. Раковъ ссылается на Григ. Нагого и на человѣка М. Нагого Бориску Аеонасьева. Оба „тово жъ часу“ были вызваны, и ихъ „проспрашивали про смерть про царевичеву и про убивство М. Битяговскаго съ товарищи и про ножи“. Относительно послѣдняго Григорій показалъ, что, дѣйствительно, посылалъ къ брату ножъ съ Бориской. Послѣ этого показанія слѣдуетъ неожиданная вставка: „Да князь Василій и Ондрѣй и Елизарій велѣли поставити передъ собою вдову В. Волохову и жильцовъ.....и розспрашивали... про царевичеву смерть“ и пр. Далѣе текстъ дѣла возвращается къ показанію Б. Оеонасьева, подтвердившаго слова Р. Ракова, и другихъ лицъ, показывавшихъ по тому же вопросу о ножѣ и палицахъ. II только уже послѣ этого начинается отвѣтъ Волоховой. 2) Архимандритъ Воскресенскій Феодоритъ и игуменъ Алексѣевскаго монастыря Савватій, служившіе вмѣстѣ обѣдню во время смерти царевича, и допрашивались вмѣстѣ, но между ихъ показаніями находимъ рассказъ Давида, игумена Покровскаго, не имѣющій съ ихъ показаніями ничего общаго. 3) Между показаніями конюха Мих. Григорьева и его сына Данилки, которыя также должны бы слѣдовать одно за другимъ, вставленъ допросъ двухъ другихъ лицъ, не связанный съ ними и, повидимому, относящійся къ началу дѣла. 4) Мы находимъ въ дѣлѣ слѣды особой челобитной, но имѣющей начала и помѣщенной въ серединѣ допроса (о ней мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ). Впрочемъ, въ остальномъ порядкѣ слѣдствія по тексту идетъ правильно и не возбуждаетъ никакихъ вопросовъ. Утверждать же на основаніи указанныхъ недоразумѣній, что листки дѣла склеены въ перебивку и что, слѣдовательно, нѣкоторыхъ, можетъ быть, и не хватаетъ, еще рискованно. Относительно состава слѣдственнаго дѣла слѣдуетъ замѣтить, что оно состоитъ изъ нѣсколькихъ документовъ, а не изъ однихъ слѣдственныхъ показаній. Кромѣ нихъ мы имѣемъ еще 1) челобитныя Р. Ракова, 2) вдовы Битяговскаго, 3) углицкихъ рассыльщниковъ, 4) рѣшеніе собора и 5) памяти Молчанову и Жеребцову, посланнымъ въ Угличъ за нѣкоторыми замѣшанными въ дѣло лицами.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній обратимся теперь къ самому слѣдствію и посмотримъ, какъ оно велось. „И тово жъ дни

Мая въ 19 день—такъ начинается сохранившаяся часть дѣла: „въ вечеру прѣхали на Угличь князи Василий и Одрѣй и Елизарій и р...спрашивали М. Нагого: которымъ об...емъ царевича Дмитрія не стало и что его болѣзнь была и для оиъ чево велѣлъ убити Михайла Битяговскаго и Михайлова сына Данила и Мякиту Качалова и Данила Третьякова и Осипа Волохова и для оиъ чево велѣлъ во вторникъ збирати ножи и пицали и палицу желѣзную и сабли и класти на убитыхъ людей и посадскихъ и изъ сель многихъ лю.... для кого збиралъ и почему.... щика Русина Ракова приводилъ къ цѣлованью, что ему стояти съ нимъ за одинъ и противъ кого было имъ стояти“. Спрашивается, откуда сразу такая масса вопросовъ, предполагающихъ уже знаніе многихъ подробностей. Отвѣтъ на это недоумѣніе находимъ въ челобитной Р. Ракова, поданной имъ митрополиту Геласію; въ ней указываются, именно, всѣ перечисленные обстоятельства. Къ тому же, за отвѣтомъ Нагого слѣдуетъ очная ставка его съ Раковымъ и другими лицами, и затѣмъ, когда факты, указанные въ челобитной, были подтверждены, слѣдователи предложили Ракову только одинъ дополнительный вопросъ, зачѣмъ М. Нагой велѣлъ класти палицу и ножи на убитыхъ; другихъ показаній на слѣдствіи Раковъ не дастъ. Все это позволяетъ намъ заключить, что челобитная подана была Геласію до слѣдствія ¹⁾ и составлена была еще до прѣзда слѣдователей. Такимъ образомъ, какъ первое извѣстіе о смерти царевича, она представляетъ для насъ особенный интересъ. „Въ нынѣшнемъ, государь, въ 99-мъ году“, пишетъ Р. Раковъ: „Мая въ 15 день въ субботу, на шестомъ часу дни тепился, государь, царевичъ у себя на дворе в жилицы своими с робятки, тыкалъ, государь, ножемъ, и втепory на него пришла падучая помощь, и запыбло, государь, сго о землю и учало ово бити; да какъ де ово было, и втепory оиъ покололся ножемъ самъ и оттого, государь, и умеръ“. Услышавъ въ городѣ звань, Русинъ прѣбжалъ на этотъ звань и нашелъ М. Битяговскаго и другихъ подозрѣваемыхъ убійцъ (тѣхъ же, что указаны и въ допросѣ М. Нагому) уже побитыми. У церкви Спаса его „изымали“ Михайло и Григорій Нагіе (первый—„мертво пьянъ“) и заставляли 6 разъ на дню цѣловать крестъ въ томъ, что будетъ держать ихъ сторону („буде ты нашъ“). Во вторникъ 18-го числа М. Нагой „въ другомъ часу ночи вшелъ въ дьячью избу, а меня послали въ рядъ ножевъ имать“. Исполнивъ это порученіе вмѣстѣ съ Кондрашей Оловяниковымъ, Раковъ принесть еще ножъ и

¹⁾ С. Г. Г. Д., II, стр. 103—106, 121.